

Искусство Евразии. 2024. № 4 (35). С. 316–329. ISSN 2518-7767 (online)
Iskusstvo Evrazii = The Art of Eurasia, 2024, (4), pp. 316–329. ISSN 2518-7767 (online)

Краткое сообщение
УДК 7:294.3(571.54)
DOI 10.46748/ARTEURAS.2024.04.019

Выставка «Совершенство традиции: произведения буддийского бурятского искусства из коллекции Государственного Эрмитажа (XIII – начала XX века)»

Елихина Юлия Игоревна ^{a, b}

^a Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Российская Федерация

^b Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
je07@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4608-6674>, SPIN-код (Science Index): 2315-6632

Аннотация. Автор рассматривает концепцию и экспонаты выставки буддийского бурятского искусства из коллекции Государственного Эрмитажа» (XIII – начала XX века), призванной показать преемственность монгольской буддийской культуры начиная со времени Чингис-хана на основе богатой коллекции Государственного Эрмитажа. В экспозиции 2024 года соединились археологические артефакты и буддийские произведения скульптуры и живописи. Целью исследования является анализ концепции выставки и рассмотрение некоторых экспонатов. Выставка, впервые объединившая артефакты буддийского искусства, археологические находки и исторические фотографии, посвященные Бурятии, из Эрмитажа, значима в исследовании региональной истории и культуры. Ее новаторство заключается не только в уникальном сочетании экспонатов, но и в комплексном подходе к изучению культуры и искусства населявших эту территорию этносов. Выставка способствовала изучению круга предметов, связанных с историей, археологией и буддизмом Бурятии, помогла изучить культы, бытовавшие в XVIII – начале XX века. Материалом исследования стали экспонаты — находки С.В. Киселёва из средневековых городищ Бурятии и Забайкалья, входивших в состав Великого монгольского государства, предметы из коллекций Э.Э. Ухтомского, П.К. Козлова, А.К. Фаберже, Б.И. Панкратова. Буддийская серебряная скульптура происходит из личных комнат Николая Второго в Зимнем дворце. Фотографии нерчинского фотографа А.К. Кузнецова были поднесены цесаревичу во время его путешествия по Сибири и Забайкалью в 1891 году. Они отражали быт и культуры разных народов, населявших этот регион в конце XIX века. Исследование проведено с использованием проблемно-хронологического, историко-генетического, историко-сравнительного методов, а также метода исследования индивидуального явления в рамках поликонтекстуального подхода. В результате археологические находки и предметы буддийской традиции описаны во временной последовательности; выявлены процессы формирования иконографии и композиции. На основании анализа археологических артефактов, оригинальных текстов, предметов буддийского культа, архивных материалов, опубликованных источников и научных трудов раскрыт ряд вопросов становления и развития буддийской традиции как части духовной культуры регионов Бурятии и Забайкалья.

Ключевые слова: буддийское искусство, искусство Бурятии, искусство XIII – начала XX века, монгольская буддийская культура, буддийская серебряная скульптура, буддийская живопись, тангка, историческая фотография, археологические артефакты, концепция выставки, экспонаты

Для цитирования: Елихина Ю.И. Выставка «Совершенство традиции: произведения буддийского бурятского искусства из коллекции Государственного Эрмитажа (XIII – начала XX века)» // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2024. № 4 (35). С. 316–329.
<https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2024.04.019>. URL: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1148>.

Short communication article

Exhibition “Perfection of Tradition: works of Buddhist Buryat art from the collection of the State Hermitage Museum (13th – early 20th centuries)”

Yulia I. Elikhina ^{a, b}

^a State Hermitage Museum, Saint Petersburg, Russian Federation

^b Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

je07@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4608-6674>, SPIN-code (Science Index): 2315-6632

Abstract. The author examines the concept and exhibits of the exhibition of Buddhist Buryat art from the collection of the State Hermitage Museum (13th–early 20th centuries), designed to demonstrate the continuity of Mongolian Buddhist culture since the time of Genghis Khan on the basis of the rich collection of the State Hermitage Museum. The 2024 exhibition was featuring a combination of archaeological artefacts and Buddhist works of sculpture and painting. The objective of this study is to analyse the conceptual framework of the exhibition and to examine a selection of the exhibited artefacts. The exhibition, which for the first time brings together artefacts of Buddhist art, archaeological finds and historical photographs dedicated to Buryatia from the Hermitage, constitutes a significant contribution to the study of regional history and culture. The innovation of this exhibition lies not only in its unique combination of exhibits, but also in its integrated approach to the study of the culture and art of the ethnic groups that inhabited this territory. The exhibition contributed to the study of a range of items related to the history, archaeology and Buddhism of Buryatia, and facilitated the study of the cults that existed in the 18th–early 20th centuries. The material for the study comprised exhibits, namely finds from medieval settlements in Buryatia and Transbaikalia that formed part of the Great Mongolian State, as well as items from the collections of E.E. Ukhtomsky, P.K. Kozlov, A.K. Faberge and B.I. Pankratov. The Buddhist silver sculpture originates from the private chambers of Nicholas II within the Winter Palace. Photographs by A.K. Kuznetsov were presented to the Tsesarevich during his journey through Siberia and Transbaikalia in 1891, they reflected the everyday lives and cultures of the diverse peoples who inhabited this region in the late 19th century. The study was conducted using a range of methods, including problem-chronological, historical genetic and comparative, and the method of researching an individual phenomenon within a polycontextual approach. Consequently, archaeological discoveries and artefacts of Buddhist origin are presented in a temporal sequence, thereby elucidating the processes of iconography and composition formation. Based on an analysis of archaeological artefacts, original texts, Buddhist cult objects, archival materials, published sources and scientific works, a number of issues pertaining to the formation and development of the Buddhist tradition as part of the spiritual culture of the regions of Buryatia and Transbaikalia are revealed.

Keywords: Buddhist art, art of Buryatia, art of the 13th–early 20th centuries, Mongolian Buddhist culture, Buddhist silver sculpture, Buddhist painting, thangka, historical photography, archaeological artefacts, exhibition concept, exhibits

For citation: Elikhina, Yu.I. (2024) ‘Exhibition “Perfection of Tradition: works of Buddhist Buryat art from the collection of the State Hermitage Museum (13th – early 20th centuries)”’, *Iskusstvo Evrazii = The Art of Eurasia*, (4), pp. 316–329. doi:10.46748/ARTEURAS.2024.04.019. Available from: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1148>. (In Russ.)

Введение

Выставка с названием «Совершенство традиции: произведения буддийского бурятского искусства из коллекции Государственного Эрмитажа (XIII – начала XX века)» состоялась в Национальном музее Республики Бурятия имени Н.М. Хангалова с 12 августа по 17 ноября 2024 года. Она приурочена к проведению в столице Бурятии Улан-Удэ II Международного буддийского форума.

В настоящее время растет интерес к традиционным духовным ценностям. Если ранее, в XIX – середине XX века, центром буддизма являлся Тибет, то после исторических событий, повлекших бегство Далай-ламы в 1959 году, в настоящее время трудно назвать страну, где тибетский буддизм был бы основной религией. В Российской Федерации традиционными районами, где население исповедует буддизм, являются Бурятия, Тыва, Калмыкия, Республика Алтай и Забайкальский край. Как одна из мировых религий буддизм в Российской Федерации достаточно активно развивается: строятся новые дацаны, существуют буддийские университеты, издается литература, проводятся конференции и различные выставки.

Одна из таких выставок буддийского искусства прошла в столице Бурятии г. Улан-Удэ.

Целью исследования является анализ концепции выставки «Совершенство традиции: произведения буддийского бурятского искусства из коллекции Государственного Эрмитажа (XIII – начала XX века)» и рассмотрение некоторых экспонатов.

В отличие от других буддийских экспозиций, на ней были представлены буддийские артефакты именно из коллекции Государственного Эрмитажа. Его собрание в своей основе состоит из петербургских коллекций конца XIX – начала XX века. Среди собирателей следует упомянуть Э.Э. Ухтомского, П.К. Козлова, А.К. Фаберже, второго сына знаменитого ювелира, и Б.И. Панкратова, известного востоковеда и дипломата. Некоторые буддийские скульптуры и ритуальные предметы были преподнесены цесаревичу Николаю Александровичу во время его путешествия по Сибири и Забайкалью в 1891 году, затем эти дары находились в его личных комнатах в Зимнем дворце. Кроме того, на выставке были продемонстрированы археологические находки XIII века с территории Забайкалья, связанные с буддизмом. Одним из шедевров выставки являлась чугунная скульптура Амитаюса, отлитая на Петровском заводе в Забайкалье. Нам не известны ее аналоги, образцом же для отливки послужила китайская бронзовая пластика XVII–XVIII веков.

Новизна подобной выставки заключается в том, что на ней впервые были представлены вместе артефакты буддийского искусства, предметы археологии и исторические фотографии, имеющие

отношение к Бурятии в рамках исторически сложившейся территории проживания населявших ее этносов. Она способствовала определению и изучению круга предметов, связанных с историей, археологией и буддизмом Бурятии, помогла изучить культуры, бытовавшие в XVIII – начале XX века. Особенно необычным оказался буддийский культ Дорже Шугдена, получивший распространение в Монголии, а оттуда и в Бурятии.

Для достижения цели исследования автор опирался на следующие общеисторические и искусствоведческие *методы*: проблемно-хронологический, согласно которому описание археологических находок и предметов буддийской традиции осуществлялось во временной последовательности; историко-генетический, который позволил выявить процессы формирования иконографии и композиции, историко-сравнительный, позволивший сопоставить проблемы формирования буддийской традиции Бурятии в разных ее аспектах и распространение ее в регионе в хронологической последовательности.

Особенно продуктивным для данной экспозиции явился метод исследования индивидуального явления (в данном случае — буддийского искусства в Бурятии и Забайкалья) в рамках поликонтекстуального подхода, основанного на изучении археологических артефактов, оригинальных текстов, предметов буддийского культа, архивных материалов, опубликованных источников и научных трудов. Системный подход к изучению поставленных в работе задач, использованные методологические подходы и методы исследования способствовали рассмотрению проблем становления и развития буддийской традиции как части духовной культуры регионов Бурятии и Забайкалья.

Роль Чингис-хана в создании монгольских городов, некоторые археологические находки

Экспозиция выставки открывалась буддийским изображением Чингис-хана (1162–1227), выполненным на холсте. В настоящее время в разных странах возрождается культ этого выдающегося исторического деятеля, полководца, основателя исторического Великого монгольского государства. В северном буддизме он почитался и продолжает почитаться как победоносный воин-всадник, сидящий на зеленом коне Майтреи, грядущего Будды (ил. 1).

Чингис-хан на тангка XIX века восседает в доспехах на зеленом коне, стоящем на лотоковом престоле. Его лицо красного цвета с тремя глазами, зубы гневно оскалены. Весь образ окружают языки пламени. Руки также красного цвета, в правой изображен золотой меч, в левой — поводья.

1. Буддийский образ

Чингис-хана.

Китай (Утайшань), XIX в.

Холст, минеральные
краски.

Размер живописи:

36 × 28;

размер обрамления:

68 × 45.

Государственный

Эрмитаж.

Фотограф Ю.И. Елихина

Вокруг образа Чингис-хана расположены девять всадников со штандартами, знаменами и мечами, а над ним находится изображение Ваджрапани, божества-хранителя Монголии и Бурятии, — Чингис-хан считается его земным воплощением. Вблизи восседает на слоне божество мудрости бодхисаттва Самантабhadра, его тело желтого цвета. На тангка фоном выведены кучевые облака, как будто все персонажи спускаются с небес, и внизу местами видны водоемы и зеленая трава.

Тангка создана в Китае, в горах Утайшань, где находились храмы, посвященные бодхисаттве Манджушри. Именно там в большом количестве писали тангка специально для Монголии. Написанная в характерном утайшаньском стиле, в сине-зеленой цветовой гамме, эта тангка — единственная в коллекции Эрмитажа, изображающая Чингис-хана.

Благодаря его деятельности на территории Великого Монгольского государства появилось множество городов. Одним из таких городов являлся Кондуй, где в XIII веке был сооружен ханский дворец, богато декорированный различными керамическими архитектурными украшениями. В настоящее время эта территория относится к Борзинскому району Забайкалья.

Уникальные архитектурные детали, найденные при раскопках дворца экспедицией С.В. Киселёва (1905–1962) в 1957–1958 годах, не представлены в коллекциях музеев Бурятии. В общей сложности экспедиция С.В. Киселёва нашла более десяти тысяч фрагментов глазурованной черепицы и двести с лишним тысяч сероглиняной [1, с. 351]. В коллекции Эрмитажа представлены преимущественно фрагменты глазурованной черепицы и совсем немного сероглиняной черепицы.

На выставке экспонировался большой фрагмент головы дракона (ил. 2) из находок С.В. Киселёва. У фрагмента отчетливо видны глаз, щеки, ухо и часть пасти с клыками. Цвет глазури, которой покрыты черепица и фигуры, самый разнообразный: желтый, зеленый, белый, черный.

Желтый цвет дракона означает доброжелательность, а зеленый — милосердие. В китайской мифологии дракону приписывается способность вызывать дождь, поэтому считается, что его изображение способно защитить сооружение от пожара [2, с. 386–387]. Вероятно, драконы были разных размеров.

Сохранились и многочисленные фрагменты фигурок фениксов: головы, части туловищ, крылья

2. Фрагмент архитектурного украшения в виде головы дракона.

Кондуй, монгольское городище, XIII в.
Обожженная глина, глазурь.
24 × 24.
Государственный Эрмитаж.
Фотограф А.В. Терехин

3. Три фрагмента архитектурных украшений в виде феникса.

Кондуй, монгольское городище, XIII в.
Обожженная глина, следы краски.
Размер планшета 39 × 17.
Государственный Эрмитаж.
Фотограф А.В. Терехин

**4. Фрагмент кирпича
с изображением
лотоса.**

Кондуй,
монгольское городище,
XIII в.
Обожженная глина, следы
краски.
36 × 17 × 5.
Государственный
Эрмитаж.
Фотограф А.В. Тербенин

и лапы. Одну фигурку феникса удалось реконструировать (ил. 3).

Среди них были найдены плитки, декорированные цветком лотоса (ил. 4), и фрагменты глиняных лotosовых престолов, свидетельствующие о том, что во дворце находилась буддийская скульптура (ил. 5).

Кондуйское городище до сих пор привлекает внимание ученых. В 1979–1984 годах изучением городища занимался Н.П. Крадин. В 2002 году А.Р. Артемьевым выполнена подробная топографическая съемка. В последние годы на памятнике проводила раскопки экспедиция Н.Н. Крадина и Е.В. Ковычева. В 2015–2016 годах ими предприняты исследования северо-западного дворцового

павильона размером примерно 23 × 8 м, вытянутого длинной стороной по линии с запада на восток. Некоторые результаты были опубликованы [3, с. 64–80; 4, с. 3–39].

Буддийские экспонаты

К несомненным шедеврам бурятского искусства можно отнести и буддийскую серебряную скульптуру.

Буддийские монастыри, дацаны, являлись, по сути, культурными и образовательными центрами Бурятии. Их насчитывалось в начале XX века до сорока семи. Бурятские монахи, мастера скульптуры и живописи, обучались в Монголии, Китае, Тибете и Непале. Поэтому в буддийской

5. Фрагмент лотосового престола.
Кондуй,
монгольское городище,
XIII в.
Обожженная глина, следы
краски.
20 × 7.
Государственный
Эрмитаж.
Фотограф Ю.И. Елихина

живописи и пластике бурятских мастеров можно видеть особенности китайских, монгольских, тибетских и непальских стилей.

В 1891 году наследник престола Николай Александрович Романов (1868–1918) совершил путешествие в Забайкалье, где он находился с 10 по 22 июня. Ему в это время были преподнесены серебряные буддийские скульптуры. Царский камергер Э.Э. Ухтомский так описывает один из приемов в Ацагатском дацане: «20 июня 1891 года был назначен завтрак в Ацагатском дацане. Вне ограды дацана был устроен обширный шатер, перед входом в который расположились представители трех хоринских родов, далее ламаистское духовенство во главе с хамбо-ламою Гомбоевым, представители бурятских родов и тунгусы. Буряты встретили гостя подношением хадаков и подарков» [5, т. 3, с. 29–30].

Цесаревич Николай и его свита получили во время пребывания в Забайкалье многочисленные дары от бурятского духовенства и знати. Часть даров — буддийская скульптура и ритуальные

предметы — находится в настоящее время в Государственном Эрмитаже, Российском этнографическом музее и Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамере). Они изготовлены из серебра, предметы из этого драгоценного металла изготавливались в особых случаях в качестве подношений ламам очень высокого ранга, императорским особам и членам их семей.

Среди буддийской скульптуры больше всего изображений Будды Шакьямуни (ил. 6) и Амитаюса (ил. 7). Образы Будды Шакьямуни традиционно присутствовали во всех бурятских буддийских храмах и на домашних алтарях.

В буддийской мифологии Будда Шакьямуни — это исторический земной Будда, основатель буддизма как мировой религии. Иконографически он изображается сидящим в алмазной позе (ваджрасане) на лотосовом престоле, правая рука в жесте касания земли (бхумиспарша-мудра), в левой находится чаша (утрачена в данном изображении).

Будда Шакьямуни имеет 32 больших и 80 малых отличительных признаков. К таким признакам

6. **Будда Шакьямуни.**

Бурятия, конец XIX в.

Серебро, выколотка,
литье, пайка, краска.

В.: 38,5.

Государственный

Эрмитаж.

Фотограф Ю.И. Елихина

7. Амитаюс.

Бурятия, конец XIX в.

Серебро, выколотка,
литье, пайка, краска.

В.: 38,5.

Государственный

Эрмитаж.

Фотограф Ю.И. Елихина

относятся стройное тело, длинные руки, золотистый цвет кожи, широкие и округлые плечи и др. [6, с. 355–358]. Все эти особенности упрощали зрительное восприятие образа и воссоздание его в памяти адепта буддийского учения. Медитация на 32 больших признаках на протяжении долгих веков оставалась главным средством, с помощью которого воспроизводили в сознании последователей учения облик Будды. С начала нашей эры в связи с распространением буддизма изображения Будды Шакьямуни изготавливались мастерами в большом количестве. Вероятно, к этому времени 32 основных признаков иконографии Будды было уже недостаточно. Для более тонкой ее детализации создали учение о 80 малых признаках. К ним относятся описания рук, ног, волос, зубов, походки, голоса и других особенностей [6, с. 364–367].

У представленной на выставке скульптуры конца XIX века присутствуют особенности, заимствованные из монгольской иконографии в данном случае бурятами: правое плечо Будды прикрыто плащом.

Иконографически Будда наделен особыми признаками, к ним относятся урна, ушниша, оттянутые мочки ушей и др. Другой особенностью бурятской скульптуры, следовавшей монгольской традиции выдающего скульптора Дзанабадзара (1635–1723) и мастеров его школы, является подчеркнута выделенная урна, как у Будды Шакьямуни, так и у Амитаюса. Специфической чертой являются и одинарные лотосовые престолы.

Лотос у скульптуры одинарный, подобные лотосы часто встречаются в монгольской скульптуре. У лотосового престола имеется просвет сзади и нечетное количество лепестков, как в долонорском стиле.

Сравнивая по стилю скульптуры Будды и Амитаюса, можно предположить, что они были изготовлены одним мастером. Фигуры божеств отличаются массивностью, широкими плечами и короткими шеями.¹ Край одеяния Будды декорирован растительным орнаментом и цветами лотоса. По уровню выполнения скульптуры их можно определить как шедевры бурятских мастеров. Эти изображения были изготовлены хоринскими бурятами в качестве дара цесаревичу Николаю Александровичу в 1891 году.

Будда Амитаюс считается божеством, дарующим здоровье и долголетие. К нему обращаются с молитвами о крепком здоровье, достатке и долгой жизни. Культ Амитаюса один из самых распространенных в буддизме Ваджраяны.

Его описание содержится в многочисленных садханах (специальных сочинениях для медитации): «Амитаюс (изображается) с телом красного цвета, с одним лицом и двумя руками. В руках он держит сосуд (калаша), в котором находится напиток бессмертия (амрита)»².

Амитаюс показан восседающим на лотосовом престоле. Одна серьга утрачена, на голову надета высокая корона, голова украшена высокой ушнишей, лента у правой руки обломана от локтя. Основание короны и края одеяния декорированы растительным орнаментом, как и у скульптуры Белой Тары, которая хранится в Российском этнографическом музее. Зубцы короны тщательно проработаны, каждый зубец находится на лотосе, выше расположен восьмилепестковый лотос, а над ним — буддийская драгоценность ратна, окруженная семью растительными побегами. Сама корона по уровню обработки металла является шедевром, подобная корона, только с загнутыми внутрь зубцами, надета на голову Белой Тары, поднесенной цесаревичу Николаю во время путешествия в 1891 году [8, р. 66–69].

Существовали специальные храмы, посвященные Амитаюсу (бур. Аюшин сумэ). Они находились в Ара-Киретском и Цугольском дацанах [9, с. 71, 88].

Наряду с этими пластическими изображениями на выставке экспонировались серебряные скульптуры, поднесенные Э.Э. Ухтомскому.

Алтарные украшения были поднесены агинским тайши Жиан Бодийном государю императору Николаю II по случаю его торжественной коронации в 1896 году. Эти украшения выполнены в виде серебряных дисков на подставках с позолоченными изображениями восьми буддийских эмблем и семи драгоценностей.

В депутацию вошли все самые важные на тот момент представители светского и религиозного сегментов бурятского общества — одиннадцатый Бандидо Хамбо-лама Чойндзин Иролтуев (1843–1918), настоятели и ламы ряда забайкальских дацанов, главные тайши Селенгинской (Вандан Жамбалтаров), Хоринской (Цыден Аюшиев), Агинской (Жиан Бодиев) и Баргузинской (Ринчин Сотиев) степных дум, а также родовые головы и почетные представители населения — «участие в коронационных торжествах 1896 г. было для бурят чрезвычайно важным делом. <...> Неудивительно, что буряты постарались расширить состав своей депутации и использовать поездку в Москву и Петербург для лоббирования своих интересов. Кроме того, это

¹ В статье приведен ряд фрагментов диссертационного исследования автора — Елихина Ю.И. «Проблемы формирования и развития тибетского буддийского искусства XI – начала XX в. (по материалам тибетской коллекции Государственного Эрмитажа)» [7].

² tshe dpag med grub rgyal lugs kyi ril bu sgrub thabs bzugs so, КО-1083 (ГЭ) — рукопись на тибетском языке «Садхана Амитаюса (под названием) пилюля традиции Дубгьял». Л. За.

8. Н. Кузнецов.

Фотография

Бырцынского дацана.

Бурятия, 1891 г.

33 × 41.

Государственный

Эрмитаж.

Фотограф А.Л. Ботков

был повод поднять престиж своей религии, которая в Российской империи имела официальный статус терпимого вероисповедания, но нередко дискриминировалась как идолопоклонство. Коронация 1896 года была первым событием самого высокого уровня, на котором бурятские буддисты получили официальное представительство» [10, с. 16–17].

Четыре тангка из Анинского дацана «Гандан Шаддублинг», экспонированные на выставке, находятся в собрании Государственного Эрмитажа как шедевры из коллекции Э.Э. Ухтомского, которая считается уникальной по многообразию артефактов буддийской скульптуры и живописи [11, с. 78–85].

В середине 1930-х годов Анинский дацан был почти полностью разрушен [9, с. 79–81], с середины 1990-х началось его восстановление.

Скульптура и живопись использовалась буддистами для медитации, эти произведения рассматривались как опора для ума. Имена некоторых

выдающихся бурятских лам прошлого, таких как Агван Доржиев (1853–1938) и Данзан Норбоев (1888–1935), непосредственно связаны с предметами из коллекции Эрмитажа: алтарное украшение в виде чакры и личная печать являются свидетельствами активной деятельности этих людей.

В собрании Эрмитажа хранятся и другие живописные шедевры бурятских мастеров конца XVIII – середины XX века, демонстрирующие различные иконографические образы и художественные школы. Некоторые из них заняли достойное место в данной экспозиции.

Фотографии

Фотограф Алексей Кириллович Кузнецов (1845–1928), почетный гражданин Нерчинска, во время посещения музея в этом городе преподнес альбом с портретными и жанровыми фотографиями местных жителей Николаю Александровичу, за что удостоился благодарностей от цесаревича

и денежного вознаграждения. В настоящее время два альбома фотографий В.К. Кузнецова хранятся в отделе Востока Государственного Эрмитажа. По этим фотографиям можно представить, какие города и каких людей мог видеть цесаревич во время своего путешествия (ил. 8).

На одной из фотографий запечатлен главный храм Бырцинского (Бырцынского) дацана, основанный в 1828 году. Он имел три этажа и был построен в русско-китайском стиле с китайскими крышами, имеющими загнутые вверх углы, колоннами и широким крыльцом. В экспозиции было выставлено 10 фотографий.

Заключение

Таким образом, на выставке экспонировались уникальные произведения бурятских мастеров, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, в большинстве своем не имеющие аналогов, всего 56 артефактов. Данная выставка была первой

попыткой объединить бурятские археологические артефакты, буддийские скульптуру и живопись, а также исторические фотографии.

Наиболее выдающейся в художественном плане является серебряная скульптура хоринских мастеров, выполненная в смешанной технике выколотки и литья.

Чугунная скульптура Амитаюса продемонстрировала тот факт, что в начале XX века в Забайкалье существовало массовое производство предметов буддийского культа.

Можно заключить, что данная выставка оказалась удачным опытом объединения в одной экспозиции уникальных археологических находок и буддийских артефактов в хронологической последовательности: некоторые ранние буддийские образы и символы XIII века, произведения XVIII столетия, расцвет буддийского искусства конца XIX – начала XX века.

Список источников

1. Киселёв С.В., Евтюхова Л.А., Кызласов Л.П., Мерперт Н.Я., Левашова В.П. Древнемонгольские города. М: Наука, 1965. 418 с.
2. Кравцова М.Е. История искусства Китая. СПб., М.: Лань, «ТРИАДА», 2004. 960 с.
3. Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Прокопец С.Д. Города и дворцы Монгольской империи в восточном Забайкалье // Сибирские исторические исследования. 2018. № 2. С. 64–80. <https://doi.org/10.17223/2312461X/20/4>.
4. Крадин Н.Н., Бакшеева С.Е., Бакшеев С.А., Прокопец С.Д., Буравлёв Ю.И. Начальный этап исследований производства строительных материалов Кондуйского дворца // Мультидисциплинарные исследования в археологии. 2018. № 1. С. 3–39.
5. Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича: 1890–1891 : в 3 т. СПб. – Лейпциг: Ф.А. Брокгауз, 1893–1897.
6. Андросов В.П. Будда Шакьямуни и индийский буддизм. М.: Восточная литература, 2001. 508 с.
7. Елихина Ю.И. Проблемы формирования и развития тибетского буддийского искусства XI – начала XX в. (по материалам тибетской коллекции Государственного Эрмитажа) : в 2 т. : дис. ... доктора культурологии : 5.10.1. СПб., 2022. 783 с.
8. Zhukovskaya N.L., Fedorova M.V., Khizhnyak O.S., Romanova S.V., Sem T.Y. Buddhism in Russia. Thimphu: National Museum of Bhutan, 2011. 216 p.
9. Традиционный буддизм России. 250 лет институту Пандито Хамбо лам России 1764–2014 : фотоальбом / ред. Д.Д. Очиров. Улан-Удэ: Байкал-ГЕО, 2014. 175 с.
10. Цыремпилов Н.В. Москва как буддийский рай: бурятская депутация на коронации Николая II // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 13–31. <https://doi.org/10.31857/S086954150009602-2>.
11. Елихина Ю.И. Тангка из Анинского дацана в коллекции Государственного Эрмитажа // Кунсткамера. 2022. № 4 (18). С. 78–85. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-4\(18\)-78-85](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2022-4(18)-78-85).

References

1. Kiselev, S.V., Evtyukhova, L.A., Kyzlasov, L.R., Merpert, N.Ya. and Levashova, V.P. (1965) *Ancient Mongolian cities*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
2. Kravtsova, M.E. (2004) *The history of Chinese art*. Saint Petersburg, Moscow: Lan, TRIADA Publ. (In Russ.)
3. Kradin, N.N., Baksheeva, S.E. and Prokopets, S.D. (2018) 'Cities and palaces of the Mongol Empire in Eastern Transbaikalia', *Sibirskie istoricheskie issledovania = Siberian Historical Research*, (2), pp. 64–80. doi:10.17223/2312461X/20/4. (In Russ.)
4. Kradin, N.N., Baksheeva, S.E., Baksheev, S.A., Prokopets, S.D. and Buravlev, Yu.I. (2018) 'Initial stage of research on Kondui Palace's construction materials', *Multidistsiplinarnyye issledovaniya v arkheologii = Multidisciplinary research in archeology*, (1), pp. 3–39. (In Russ.)
5. Ukhtomsky, E.E. (1893–1897) *Journey to the East of His Imperial Highness Sovereign Heir to the Crown Prince: 1890–1891*, in 3 volumes. Saint Petersburg – Leipzig: F.A. Brockhaus Publ. (In Russ.)
6. Androsov, V.P. (2001) *Shakyamuni Buddha and Indian Buddhism*. Moscow: Vostochnaya literature. (In Russ.)
7. Elikhina, Yu.I. (2022) *The problems of the formation and development of the Tibetan Buddhist art from 11th to the early 20th centuries. (based on the materials of the collection of the State Hermitage)*. Dr. Sc. (Cultural Studies) thesis. Saint Petersburg. (In Russ.)
8. Zhukovskaya, N.L., Fedorova, M.V., Khizhnyak, O.S., Romanova, S.V. and Sem, T.Y. (2011) *Buddhism in Russia*. Thimphu: National Museum of Bhutan.
9. Ochirov, D.D. (ed.) (2014) *Traditional Buddhism of Russia. 250 years of the Institute of Pandito Khambo Lamas of Russia 1764–2014*. Ulan-Ude: Baikal-GEO. (In Russ.)
10. Tsyrempilov, N.V. (2020) 'Moscow as a Buddhist Paradise: A Buryat Delegation at the Coronation of Nicholas II', *Etnograficheskoye obozreniye = Ethnographic Review*, (2), pp. 13–31. doi:10.31857/S086954150009602-2. (In Russ.)
11. Elikhina, Yu.I. (2022) 'Tangkas from the Aninsky datsan in the collection of the State Hermitage', *Kunstkamera*, (4), pp. 78–85. doi:10.31250/2618-8619-2022-4(18)-78-85. (In Russ.)

Информация об авторе

Елихина Юлия Игоревна, кандидат исторических наук, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела Востока, хранитель тибетской, монгольской и хотанской коллекций, Государственный Эрмитаж; доцент кафедры тибетологии и монголоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация, je07@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4608-6674>, SPIN-код (Science Index): 2315-6632.

Information about the author

Yulia Igorevna Elikhina, Cand. Sc. (History), Dr. Sc. (Cultural Studies), Leading Researcher of the Oriental Department, Curator of the Tibetan, Mongolian and Khotanese Collections, the State Hermitage Museum; Docent of the Department of Tibetology and Mongolian Studies, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation, je07@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4608-6674>, SPIN-code (Science Index): 2315-6632.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.10.2024; одобрена после рецензирования 10.12.2024; принята к публикации 12.12.2024.

The article was received by the editorial board on 18 October 2024; approved after reviewing on 10 December 2024; accepted for publication on 12 December 2024.